

Текст · 11 декабря 2019, 07:28

«Нужно показать кошмар». Эксперты рассуждают о причинах обвинительного уклона в правосудии

1. Так сложилось. «Никто не хотел зла»

Директор по исследованиям Института проблем правоприменения Кирилл Титаев говорит, что заказчика как такового нет: «Система устроена так, потому что все просто так сложилось. Все вместе принятые решения не могли обеспечить другой конфигурации. Хотя ни одно из них в отдельности не было направлено на ухудшение ситуации. Никто не хотел зла. Никто не хотел, чтобы осуждались невиновные».

Основные механизмы, которые обеспечили текущую ситуацию, родились после реформы уголовного процесса и уголовного закона еще в начале 1960-х годов, говорит Титаев. Изначально процесс был выстроен грамотно, но в него быстро внесли изменения: например, выделили следствие как отдельный институт, что сильно ухудшило ситуацию. По словам эксперта, количество оправдательных приговоров стабильно падало с конца шестидесятых и вышло на уровень в 1% к началу девяностых годов. С тех пор оно упало еще в десять раз.

2. Деньги. «Система сама себя бережет. Она воюет за то, чтобы сохранить финансирование»

Система бережет себя из-за денег, считает глава юридического департамента фонда «Русь сидящая» Алексей Федяров. В девяностые «рисовать показатели было некогда и незачем — хватало того, что происходит на улицах». Затем экономическая ситуация в стране изменилась. Преступность, говорит Федяров, пошла на спад по объективным причинам.

По логике, штаты должны были сокращаться, но все произошло ровно наоборот. Численность сотрудников системы не только не сократилась — выросла. Например, когда в 2007 году Следственный комитет «отпочковался» от прокуратуры, у него возникли собственные канцелярия, кадровая служба, бухгалтерия. Прокуроры начали «обрастать» заместителями и помощниками. В каждом районе появились следователи по особо важным делам.

«Это все — штаты и звания. Это строительство зданий, закупки, удостоверения, бланки, пошив формы. Это все — деньги. Все, с чего ты получаешь. Колоссальный бюджет, — комментирует Алексей Федяров. — А как его обосновывает "верхушка"? Вот какое огромное количество дел мы направляем в суд и рассматриваем! Представьте, что снизится количество дел, направленных в суд. Сколько народа надо будет уволить? Конечно, система сама себя бережет. Она воюет за то, чтобы сохранить финансирование штатов. А для этого нужно показать кошмар».

3. Стабильность. «Единое сообщество по доведению до обвинительного приговора»

Все элементы системы интересует один результат: чтобы приговор устоял. «Правоохранители — от оперативника до прокурора — и судьи становятся единым сообществом по выбору и доведению до обвинительного приговора "перспективных" дел без должного взаимного контроля», — говорится в книге «Правоохранительная деятельность в России», выпущенной Институтом проблем правоприменения.

Цель системы — стабильность, говорит адвокат по сложным делам Иван Хозяйкин. В качестве примера дестабилизации он приводит отмену приговора вышестоящей инстанцией. Она означает, что плохо сработал суд первой инстанции, следствие, оперативные сотрудники. «Весь громадный штат людей плохо сработал, всем минус», — резюмирует Хозяйкин.

Адвокат и бывший сотрудник полиции Дмитрий Джулай вспоминает пример из собственной практики: вместо того, чтобы вынести оправдательный приговор, его подзащитному просто дали срок, который он уже отсидел в СИЗО. Оправдать было нельзя, поскольку это перечеркнуло бы работу, сделанную всей цепочкой — операми, следователем, прокурором, судьей.

Приговоры мне еще. Судебная игра «Медиазоны»

Элементы системы действуют в связке. Еще одна цитата из книги «Правоохранительная деятельность в России» в подтверждение: «Прокуратура <...> предпринимает специальные усилия, чтобы к одному и тому же судье ходил один и тот же гособвинитель, поддерживал с ним хорошие рабочие отношения. Судья и прокурор в этой ситуации не союзники и не члены одной корпорации, они просто сослуживцы, которые встречаются каждый день и заинтересованы сотрудничать, а не ссориться».

«Не забывайте, что у нас половина населения страны живет в небольших городах и сельских районах. Там рабочий коллектив, члены которого друг друга знают», — добавляет директор по исследованиям Института проблем правоприменения Кирилл Титаев.

4. Упрощение. «Если ты можешь до бесконечности упрощать шаблон работы, ты его будешь упрощать»

Хороший следователь — это кто-то вроде археолога, говорит руководитель исследовательских программ фонда «Общественный вердикт» Асмик Новикова. Шаг за шагом, аккуратно и осторожно он расчищает слои, реконструируя картину преступления. Читая протоколы допросов свидетелей, он выуживает из них информацию, которая может указывать на след.

«Следователь должен идти от плоскости фрагментарных следов, проверяя их и складывая в картинку», — говорит Новикова. Однако на деле все происходит как раз наоборот: выбирается версия, а дальше все следственные действия подстраиваются под подтверждение этой версии.

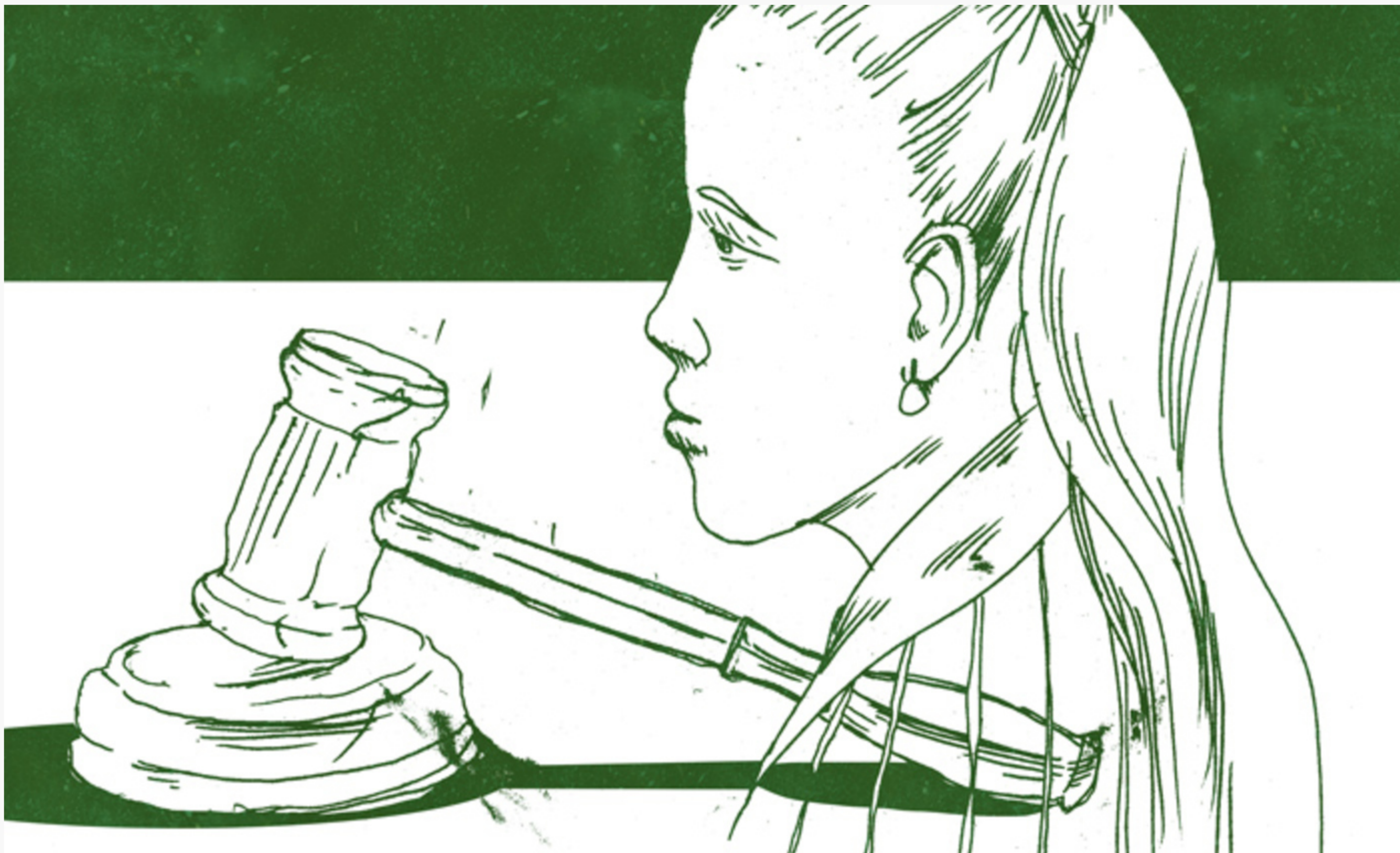
Эксперт объясняет это принципом экономии издержек, к которому стремится любая система: «Если ты можешь до бесконечности упрощать шаблон работы, ты его будешь упрощать». При этом, подчеркивает Асмик Новикова, система понимает: в 80% случаев это работает, и за решетку отправляются реальные преступники. Шаблон в результате упрощается все сильнее, профессиональный взгляд замыливается, и когда следователь сталкивается с нетипичным, сложным делом, он может этого даже не увидеть и пойти проторенной дорожкой.

Затем и прокурор, и суд «съедают» плохо расследованные дела. «Зачем следствию надрываться, если ты можешь произвести минимальный набор действий и искусственным образом, не напрягаясь, собрать картину преступления?» — резюмирует Асмик Новикова.

5. Деградация. «Это люди, которые не знают ничего дальше, чем канцелярия и протоколы»

«Для нас показательно было прокурорское следствие, которое всегда считалось элитой следствия. Сейчас это не элита, а расслабленные оформители», — считает руководитель юридического департамента фонда «Русь сидящая» Алексей Федяров.

Бывший секретарь суда Александр Эйвазов говорит, что после смены поколений судей в судебную власть пришли люди, которые имеют очень слабое представление о праве.

Судовой журнал. Дневник секретаря судебного заседания

«Это, в лучшем случае, сотрудники аппарата суда, секретари, помощники судей. Это люди, которые не знают ничего дальше, чем канцелярия и протоколы, — говорит Эйвазов. — Они имеют дело с документацией, но не аргументируют правовую позицию как, например, прокуроры, адвокаты,

общественные защитники. У того же следователя больше творчества, чем у секретаря, который через пять лет вырастает в судью, как цыпленок в бройлера».

Кто-то связывает это со съездом судей 2003 года, когда изменился курс государственной власти, говорит Эйвазов. Тогда судебную власть надо было сделать более контролируемой. Многие судьи ушли в отставку. «Остались самые "послушные"», — комментирует саратовский адвокат Елена Сергун.

6. Изолированность. «Они предпочитают плыть по течению»

«Иногда складывается ощущение, что они просто не знают, что делать, и предпочитают плыть по течению», — говорит руководитель проекта «Омбудсмен полиции», бывший полицейский Владимир Воронцов.

У нас нет более развернутого экспертного комментария к этому пункту, но с Воронцовым сложно не согласиться: кто и зачем будет ломать то, что работает? Многие годы система функционирует именно так, и до сего момента это, что называется, «прокатывало». Отдельные люди, желавшие перемен, были не в состоянии побороть государственную машину и просто уходили. А внешняя сила — общество — до текущего момента не формулировала запроса на перемены.

В результате сейчас правоохранительные органы вместе с судебной системой — это единый и при этом автономный, изолированный от общества организм, который функционирует так, а не иначе

просто потому что таковы законы выживания любого организма.

Ознакомиться со всеми материалами «Обвинительного клона» и рассказать его авторам о своих историях можно [на сайте проекта](#).